

Я.И. Аров*

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ:
ОТ ПОЗИТИВИЗМА К ГЕРМЕНЕВТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЯ О ПОТЕНЦИЯХ
В ТРАКТАТЕ В.В. РОЗАНОВА «О ПОНИМАНИИ»)

В статье рассматривается один из вариантов решения проблемы статуса гуманитарного познания с позиции герменевтики, представленный в учении о потенциях В.В. Розанова. Автор обращает внимание на особенности позиций субъекта и объекта в структуре «наук о духе», рассматривая их, согласно концепции В.В. Розанова, как со-причастное единство потенций разума, задающих цель, ценности и смыслы понимания, и потенций вещей, являющихся эмпирическим материалом, которому разум дает форму как объекту исследования. В заключении статьи автор приходит к выводу о пользе исторических примеров развития герменевтики для ведения современных эпистемологических дискуссий о статусе гуманитарного познания.

Ключевые слова: гуманитарное знание, В.В. Розанов, герменевтика, эпистемология, потенции

The issues of cognition in humanities: from positivism to hermeneutics (the case of the concept of potentiality in Vasily Rozanov's «On Understanding»).
YAROSLAV I. AROV (Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Moscow Pedagogical State University)

The article considers one of the way of solving the problem of the status of humanities from the point of hermeneutics, presented in the concept of potentiality, which was developed in Vasily Rozanov's «On understanding». The author focuses on the features of the position of the subject and the object in the structure of *Geisteswissenschaften*, considering them, according to Rozanov's idea, as a co-participatory unity of the potencies of the mind and the potencies of things. It is concluded that historical examples of the development of hermeneutics are still relevant for modern epistemological discussions about the status of humanities.

Keywords: humanities, Vasily Rozanov, hermeneutics, epistemology, potentiality

В современной гуманитаристике существует ряд актуальных проблем, касающихся места и статуса той или иной дисциплины в структуре научного знания, а также обоснования критериев научности для гуманитарного знания в целом. Последние широко обсуждались в XX в. после

* АРОВ Ярослав Игоревич, младший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX–начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, специалист по учебно-методической работе кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: vsedur@gmail.com

© Аров Я.И., 2023

переосмысления К. Поппером «нормативов» научности в книге «Логика научного исследования». Однако выделяемый К. Поппером принцип фальсификации и сведение функций науки к «прогностическим» оставались релевантны для естественнонаучной эпистемологии. Для гуманитарного познания, исследующего динамику культуры, исторического процесса, человеческих идей, прогностический потенциал не мог быть основным критерием научности, да и с принципом фальсификации возникали проблемы, связанные с ценностными предпосылками (которые отчасти были решены введением второй, «ценностной» фальсификации).

В России задолго до публикации идей К. Поппера существовали философские учения, которые разграничивали методы гуманитарных и естественных дисциплин, апеллируя как к герменевтической традиции, так и к собственным эпистемологическим системам. Пример такого синтеза дает теория познания одного из ведущих русских философов рубежа XIX–XX вв. В.В. Розанова. Его трактат «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» являет собой образец апологии подхода гуманитаристики к тому, что Ницше именовал «слишком человеческим», доказывая с помощью различных аргументов, что без этого «человеческого» гуманитарное познание – и познание в целом – не может существовать априори. В данной статье розановское учение о понимании будет рассмотрено на примере его концепции потенциалов в контексте споров о месте, методах и критериях гуманитарного познания.

Для начала стоит отметить, что и в настоящее время возникают споры о статусе гуманитарных дисциплин в общей структуре научного знания. Это обусловлено, с одной стороны, возникшей еще в XVIII–XIX вв. тенденцией к физикализации всех наук, их сведению к единому методологическому шаблону, к выведению общих законов культурно-исторического развития с помощью методов, апробированных в точных и естественнонаучных дисциплинах. Эта позиция, характерная для раннего позитивизма О. Конта, до сих пор имеет своих сторонников, несмотря на обширную критику, данную в работах В. Дильтея, В. Виндельбанда, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Г.Г. Шпета и др. Противники этой позиции обращают внимание на несводимость корпуса гуманитарных дисциплин к «шаблону» естественных,

апеллируют к особенностям «наук о духе» как сущностно отличных от тех областей познания, чьим объектом выступает или неживая природа, или же человек и продукты его деятельности как обезличенные функции. На пересечении проблемного поля, между интерпретацией гуманитаристики как «точной» дисциплины в своем идеальном (должном) воплощении и как культурно обусловленной области познания, находится общая методология гуманитарной науки. Проблема коренится в сложности диалога между двумя противоборствующими точками зрения.

На мой взгляд, один из вариантов ее решения, примиряющий обе точки зрения, дал С.С. Аверинцев в эссе «Похвальное слово филологии». При анализе сущности филологической работы он заметил, что филология не является точной наукой, поскольку «качественно отличается» от нее [1, с. 100]. Вместе с тем, по мысли Аверинцева, филология не является и исключительно субъективной дисциплиной, поскольку в ней также строятся исследовательские модели, она имеет свои методы и критерии оценивания, общие для всей структуры филологической науки. В ней есть определенная строгость, заключающаяся в «нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания» [1, с. 101]. Мысли выдающегося филолога вторил и другой крупный отечественный исследователь – М.Л. Гаспаров. Он прямо называл филологию «наукой понимания» [5, с. 98]. Герменевтическая трактовка собственной сферы деятельности, данная этими учеными, может быть в общих чертах экстраполирована на гуманитаристику в целом. В филологии, социологии, философии не может существовать только фактологической фальсификации и неважно обстоят дела с прогнозированием.

В мире культуры и истории нельзя просто «механически» предсказать будущее с помощью методов анализа, индуктивной логики и т.п. Анализ, понимаемый как обнаружение сущностных черт исследуемого объекта путем редукции его вторичных свойств, конечно, свойственен в той или иной мере и гуманитарным дисциплинам. Однако этот анализ, сходный в своих формальных признаках, сущностно отличен от любого не-гуманитарного. Его содержание – это работа понимания, это аверинцевское понимание одного человека (выступающего объектом исследования) другим (исследовате-

лем). И здесь важную роль играет «правильная» интерпретация их взаимодействия, которая – если она претендует на статус научной – строится на основе этого анализа. Строго говоря, интерпретация – это всегда толкование о чем-то в контексте чего-то, но никогда – произвольное толкование [20, с. 91]. Использование методов в ней находится в зависимости от этих контекстов, т.е. природных элементов или человеческих форм деятельности. Нарратив контекстов в этой связи предстает как философский базис, как система ценностей внутри отношений субъекта с объектом его исследования.

Традиционное понимание отношения субъекта к объекту, возможно, не совсем подходит гуманитаристике в том смысле, что субъект, будучи человеком и исследуя живой, человеческий мир, не может отвлечься ни от собственной человечности, ни от человечности объекта исследования. Грубая объективация здесь не работает. Но это не значит, что сама система субъект-объектных отношений требует упразднения. В. Франкл в книге «Человек в поисках смысла» писал: «Только лишь благодаря выходу человеческого бытия за пределы самого себя, благодаря его устремленности к объекту и лишь ценой того, что оно тем самым конституирует себя как субъект, познание является изначально возможным» [19, с. 72]. В гуманитаристике познание требует не упразднительного, а системного подхода, заключающегося в необходимости выделения субъекта гуманитарного знания и объекта исследования как особого бинарного отношения. Нужен действительный эмпирический, а значит исторический, субъект исследования. Его поиском и структурированием занимался в свое время В. Дильтей, ориентируясь на более ранние формы герменевтических изысканий. В России позицию В. Дильтея развивал В.В. Розанов. Особенно в этой связи выделяется его книга «О понимании», написанная в 1886 г. – в тот период, когда, как признается сам философ в одном из писем своему биографу Б.А. Грифцову, устав от ссор с первой женой А.П. Сусловой, Розанов вынужден был уходить от «мучительницы в гостиницу Дудина (Брянск)» [10, с. 439], где и готовил свой труд. Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства философ подчеркивает, что все «о “Понимании” было написано со счастьем» [10, с. 439]. В этом оброненном слове «счастье» также, как и в позднейшем письме к Э.Ф. Голлербаху, где Розанов указывал на значимость своей первой

крупной философской работы [13, с. 355], содержится то зерно отношения субъекта к объекту, которое отличает гуманитарную эпистемологию от естественнонаучной.

Чувство, с которым исследователь подходит к изучению объектов культуры, к восприятию истории, к особенностям человеческих отношений, к психологии индивидов и обществ, играет важную роль в научной аргументации, поскольку теория гуманитарного познания всегда связана с проблемами ценности [12, с. 196; 11]. Субъект, конечно, отделен от объекта, но он сопричастен ему, во-первых, потому что его интенции постоянно направлены вовне, как показал еще Э. Гуссерль [7, с. 49], во-вторых, потому что сам объект является результатом трансформации субъектом той природной данности, которой человек придает форму и задает смысл (по Франклу). Розанов, как отмечает ряд исследователей, формирует смыслополагающую картину понимания субъектом его научной миссии [9]. Терминологический базис этого отношения человека к смыслу и ценностям он заимствует у Аристотеля и позднейшей традиции, опирающейся на перипатетическую метафизику. Но как человек своего времени он придает абстрактным терминам живой человеческий облик. В эпоху информационного общества, когда традиционные смыслы и ценности деформируются, растворяются в информационном потоке, розановская концепция понимания имеет герменевтические выходы к правильной трактовке научных контекстов, которая может быть полезной для сохранения за гуманитаристикой статуса строгой науки.

В общих чертах герменевтическую позицию Розанова характеризует три элемента:

- терминологический (здесь доминируют абстракции, дихотомические пары – «Акт-Потенция», «Разум-Природа», «Бытие-Небытие» и др.);
- концептуальный, соединяющий термины в контекст учения о схемах разума и схемах понимания;
- ценностный, придающий смыслы абстракциям и схемам.

В данной статье я не буду рассматривать все эти элементы и даже какой-либо один из них целиком. Это требует по крайней мере монографической работы. К тому же многие ученые-розановеды уже исследовали и розановское понимание разума, и понимание самого понимания. О Розанове как о предтече русской

герменевтики писала Н.К. Бонецкая [2]. Непосредственная связь его учения с немецкой философской традицией отмечена в трудах А.Я. Кожурина, С.В. Скородумова, К.Л. Романовского и др. Гносеологические особенности розановской философии рассматривал в своих статьях и диссертации А.П. Семенюк [16; 17; 18]. Идеологическая составляющая концепта «понимание» проанализирована в статье О.А. Глебова [6]. Свои комментарии к современному изданию трактата «О понимании» оставил и один из крупнейших исследователей и библиографов Розанова В.Г. Сукач. Развитие учения о понимании можно проследить в собраниях сочинений В.В. Розанова, изданных под редакцией А.Н. Николюкина. Поскольку корпус исследовательских работ по герменевтике Розанова крайне обширен, в задачи данной статьи не входит непосредственное перечисление основных проблем и тем его учения о понимании: здесь будет лишь кратко отмечена сама фактура розановских размышлений, та связь между терминологией, концептуальностью и аксиологией, которая может рассматриваться современной гуманитарной эпистемологией как исторический ресурс, один из вариантов герменевтического решения упомянутой проблемы субъект-объектных отношений.

На мой взгляд, показательным примером такого решения является розановская концепция потенций. О ее значимости в системе философских изысканий свидетельствует сам философ в письме к Э.Ф. Голлербаху от 8 августа 1918 г.: «Невозможно в сущности ничего понять у меня, понять и во мне, не прочитав и не усвоив двух первых глав *О понимании*, “О сторонах существующего и схемах разума” и “О принципе потенциальности”» [13, с. 355]. Важность данной концепции подтверждают и позднейшие исследователи творчества В.В. Розанова, такие как А.П. Семенюк, Н.Ф. Болдырев и др. Концепция потенций в трактате «О понимании» представляет собой, во-первых, один из ключевых пунктов работы понимания (на уровне бытия разума), а во-вторых, особую форму существования (на уровне бытия вещей). С точки зрения понимания, потенции являются способностью разума к выстраиванию причинно-следственных связей, а также к целеполаганию деятельности субъекта. Ведь если бы разум не обладал потенциями и сам не являлся бы скрытой потенцией, рассуждает Розанов, то никакие изменения в разуме не могли бы произойти, стало

быть не менялись бы и его отношения к вещам, и поэтому не было бы возможным познание как таковое [15, с. 64, 73, 120]. Для науки в целом необходимо такое отношение разума к объекту, которое учитывает деятельность самого разума, направленного на этот объект.

С другой стороны, поскольку существует такая взаимосвязь, объект не может рассматриваться как некая «вещь в себе», его нумеральность соположена способности разума к открытию целей, скрытых в нем, и таким образом к приданию ему смысла. Это есть, выражаясь научным языком, вычленение объекта исследования, то есть его сущности. Поскольку сущность, по крайней мере в культуре и истории, есть развертывание целенаправленного процесса к тому, чем объект должен быть, и поскольку сам целенаправленный процесс, по мысли Розанова, есть процесс всегда имеющий истоком разумную деятельность [15, с. 307], то разум человека как потенция предполагает определенный телеологический элемент, всегда присутствующий в нем и не просто связанный с потенциями самих вещей, но в конкретных случаях (например, в искусстве) оформляющий их, придающий значение и смысл [15, с. 337].

Есть и другая сторона розановской концепции потенций – феноменологическая. С точки зрения существования, вещи могут обладать потенциальным существованием, ведь если бы они им не обладали, то так же, как и разум, не могли бы изменяться. Здесь стоит сказать, что изменяется не весь разум и не все в вещи, а только некоторая часть в них, данная в явлении. Как подчеркивает Розанов, меняется не сама вещь, а наше отношение к ней [15, с. 107]. Впрочем, познание нумеральной природы вещи возможно только в умознении. Эмпирически и исторически вещь всегда обладает потенциями, соположенными потенциям разума, и именно эта соположенность помогает субъекту исследования формировать и понимать сформированный им объект. Такова, если не вдаваться в подробности, основная интенция розановской концепции потенций. Характерно, что она соединяет онтологию, аксиологию и эпистемологию в единую систему познания, тем самым нивелируя изначальную ошибку декартовского субъекта, его исключение из культурно-исторического слоя бытия.

Наука, понимаемая Розановым в самом широком смысле – как само воплощенное понимание, движется по лекалам истории, поскольку

исторический субъект задает смыслы истории и ее цель. Точнее, он обладает идеей целеполагания, и эта идея, существуя актуально, дает существование самой цели как потенции [14, с. 26]. Цель есть потенция, поскольку если цель достигнута, то она уже не может быть целью. В этом смысл научной рефлексии – живое человеческое отношение к объекту науки как к тому, на что направлена интенция человеческого разума. Но этот разум также, являясь потенцией, имеет и свою цель (в понимании) и свои ценности (в придании смысла исследуемому). Здесь, как отмечает А.П. Семенюк, Розанов отходит от перипатетической трактовки потенций, приходя к ряду романтиков [18, с. 53] и к представителям философии жизни (В. Дильтею и др.). Если сравнить идею «живой целостности сознания» Дильтея [8, с. 51] с розановским разумом как экстраполяцией понимания, то можно отметить ряд общих черт: учет исторических реалий в научной работе, трактовку науки с точки зрения аксиологии, критику позитивистского субъекта [8, с. 48].

Значение идей В. Дильтея для методологии гуманитарных дисциплин общепризнано. Стоит признать и заслуги В.В. Розанова, который воспринял критику декартовского субъекта, данную немецкой философской школой, и внес свою лепту в развитие отечественной герменевтики. Оригинальная концепция потенций В.В. Розанова была бы невозможна вне контекста истории. Во время создания данной концепции уже формируются кружки неокантианцев, вскоре становится популярной позиция В. Виндельбанда, разделившего науки на номотетические и идеографические и отметившего их внутренние взаимосвязи [4]. Существует определенная преемственность идей и на уровне отечественной герменевтики. Так, исследователь Н.Л. Варова отмечает связь между розановским обращением к разуму субъекта как ядру смысла и ценностей процесса познания и шпетовской апологией метода интроспекции, его познанием-пониманием как разворачиванием этапов самосознания [3, с. 11]. Таким образом, апелляция к живому пониманию взамен искусственного, лишённого ценностного начала объяснения протекает в характерной среде споров о методах и критериях научности.

Для Розанова понимание – это конструкт, связанный не только с какой-то конкретной гуманитарной наукой, но с наукой в самом широком смысле, понимаемой как само неизменное

понимание, данное человеку природой его разума [15, с. 10]. Утверждение о том, что в начале понимания лежит «внешнее впечатление» [15, с. 34] является не просто реликтом сенсуализма, но фактическим признанием эмпиричности нашего познания внутри явленного мира. И хотя существует мир, где вещи не становятся, а уже есть («сушность ... пребывает вечно в скрытом состоянии» [15, с. 242]), этот мир «абсолютной актуальности» выходит за границы возможностей научного познания, мы можем его только предполагать, но для нашего познания он окутан тайной [15, с. 66]. Природа, культура, история, сам человек, по Розанову, находятся в постоянном движении, в смене отношений между субъектами, поскольку все они имеют цель, все являются постоянными потенциями. И если в целеполагании природы еще можно сомневаться, умаляя роль субъективного, то в гуманитарной действительности эти цели существуют априори, поскольку априори существует живой человек с его чаяниями, сомнениями, внутренними моральными дилеммами – с тем, что невозможно полноценно понять, редуцировав до простой механической причинности. И субъект, и объект в структуре гуманитарного познания, таким образом, связаны не только внешне, как в позитивизме, но и внутренне – морально, ценностно. Эти связи подвижны, всегда имеют выходы к потенциальным целям, заложенным в них. И чтобы понять эти цели, необходимо выстроить правильное отношение между потенциями разума и потенциями вещей. Таков в общих чертах идеал розановской науки.

Дальнейшая судьба этого идеала, как и самого Розанова, незавидна. В советское время философ и его «наука» были забыты, вытеснены в подполье. В русскоязычной среде имя Розанова упоминалось разве что в кружках эмигрантов и в андеграундных сообществах (так, неизгладимое впечатление философ произвел на писателя Венедикта Ерофеева). Фактически только в 1990-е гг. усилиями А.Н. Николукина, В.Г. Сукача и др. начала формироваться библиография Розанова, появился корпус его сочинений, который сегодня насчитывает не один десяток томов. Розанов снова стал одним из самых исследуемых авторов Серебряного века. Однако его ранним работам по-прежнему уделялось существенно меньше внимания, нежели позднему творчеству. Сегодня имеются все основания пересмотреть подобный подход. Герменевтика уже проникла в гуманитарные дисциплины в качестве одного из

ведущих научных методов. В этой связи розановское учение о потенциях как основе понимания, как и другие герменевтические концепции XIX–XX вв., представляется весьма актуальным историческим ресурсом для ведения современной эпистемологической дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.
2. Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
3. Варова Н.Л. Понимание в философии В.В. Розанова: от схем разума к образу феномена // Гуманитарные исследования. 2017. № 4. С. 8–12.
4. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995.
5. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
6. Глебов О.А. Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В.В. Розанова // История философии. 2021. Т. 26. № 1. С. 87–98.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
8. Дильтей В. Описательная психология. М.: Современный гуманитарный университет, 2001.
9. Золотарев А.В. Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 46–54.
10. Ломоносов А.В. В.В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В.В. Розанова: исследования и материалы. М.: Пашков дом, 2021.
11. Микешина Л.А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
12. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 17. В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004.
14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008.

15. Розанов В.В. Сочинения: О понимании (Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания). М.: Танаис, 1995.

16. Семенюк А.П. Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 4. С. 118–121.

17. Семенюк А.П. Проблема понимания в творчестве В.В. Розанова: дис. ... канд. ист. н. Томск.

18. Семенюк А.П. Учение о потенциальности В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. № 1. С. 52–54.

19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

20. Щедрина Т.Г. Проблемы понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.

REFERENCES

1. Averintsev, S.S., 1969. Pokhval'noe slovo filologii [In praise of philology], Yunost', no. 1, pp. 98–102. (in Russ.)
2. Bonetskaya, N.K., 2014. Predtechi russkoi hermenevtiki [Forerunners of Russian hermeneutics], Voprosy filosofii, no. 4, pp. 90–98. (in Russ.)
3. Varova, N.L., 2017. Ponimanie v filosofii V.V. Rozanova: ot skhem razuma k obrazu fenomena [Understanding in Vasily Rozanov's philosophy: from the scheme of mind to the image of phenomenon], Gumanitarnye issledovaniya, no. 4, pp. 8–12. (in Russ.)
4. Windelband, W., 1995. Izbrannoe: Dukh i istoriya [Selected works: Spirit and history]. Moskva: Yurist. (in Russ.)
5. Gasparov, M.L., 2001. Zapisi i vypiski [Notes and extracts]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
6. Glebov, O.A., 2021. Kontsept ponimaniya i ego idealisticheskaya traktovka v teoreticheskoi filosofii V.V. Rozanova [The concept of understanding and its idealistic interpretation in the theoretical philosophy of V.V. Rozanov], Istoriya filosofii, Vol. 26, no. 1, pp. 87–98. (in Russ.)
7. Husserl, E., 2010. Kartezijskie meditacii [Cartesian meditations]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

8. Dilthey, W., 2001. *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Moskva: Sovremenniyi gumanitarnyi universitet. (in Russ.)
9. Zolotarev, A.V., 2020. *Vasilii Rozanov i Verner Geizenberg o ponimanii prirody* [Vasily Rozanov's and Werner Heisenberg's views on understanding of nature], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 46–54. (in Russ.)
10. Lomonosov, A.V., 2021. *V.V. Rozanov: blizhnie i dal'nie. Peregovory V.V. Rozanova: issledovaniya i materialy* [Correspondence of Vasily Rozanov: research and materials]. Moskva: Pashkov dom. (in Russ.)
11. Mikeshina, L.A., 2009. *Sovremennoe razvitiye ponyatiya «tsennost'»* [Modern development of the concept of value], *Tsennosti i smysly*, no. 1, pp. 6–17. (in Russ.)
12. Mikeshina, L.A., 2005. *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: uchebnoe posobie* [Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Research methodology: a textbook]. Moskva: Progress-Traditsiya; MPSI; Flinta. (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 2004. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 17. V nashei smute (Stat'i 1908 g.)*. Pis'ma k E.F. Gollerbakhu [Collected works: in 30 volumes. Vol. 17. In our turmoil (Articles of 1908). Letters to E.F. Hollerbach]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 2008. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Priroda i istoriya. Stat'i i ocherki 1904–1905 gg.* Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)
15. Rozanov, V.V., 1995. *Sochineniya: O ponimanii (Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya)* [On understanding: Essay on the study of nature, the boundaries and inner structure of science as an integral knowledge]. Moskva: Tanais. (in Russ.)
16. Semenyuk, A.P., 2014. *Gnoseologicheskaya problematika v traktate «O ponimanii» V.V. Rozanova* [Gnoseological problems in Vasily Rozanov's treatise «On understanding»], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no. 4, pp. 118–121. (in Russ.)
17. Semenyuk, A.P., 2002. *Problema ponimaniya v tvorchestve V.V. Rozanova* [The issue of understanding in the works of Vasily Rozanov], *dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk*. Tomsk. (in Russ.)
18. Semenyuk, A.P., 2013. *Uchenie o potentsial'nosti V.V. Rozanova* [Vasily Rozanov's doctrine of potentiality], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no. 1, pp. 52–54. (in Russ.)
19. Frankl, V., 1990. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moskva: Progress. (in Russ.)
20. Shchedrina, T.G., 2018. *Problemy ponimaniya istoricheskoi real'nosti (metodologicheskii opyt Gustava Shpeta)* [The issues of understanding historical reality (methodological experience of Gustav Shpet)], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 90–93. (in Russ.)

